

Женщина, увидев, что он уже закончил есть, тоже положила палочки. Син Янь чувствовал себя неловко, ему казалось, что в следующую секунду она скажет:

— Не смей больше приближаться к моей дочери, иначе я вызову полицию.

— Еда была вкусной? — возможно, впервые заговорив с этим взрослым мужчиной, который подружился с её дочерью, женщина не знала, о чём говорить, и начала с обычного разговора.

Син Янь кивнул, вежливо улыбнувшись:

— Очень вкусно, давно не ел такой вкусной еды. — Хотя это была лесть, но и правда. Он, конечно, тоже считал, что Хэ Ци готовит отлично, и, честно говоря, даже думал, что его кулинарные навыки лучшие в мире. Даже если бы ему пришлось выбирать между ужином в мишленовском ресторане и едой Хэ Ци, он без колебаний выбрал бы последнее. Но, возможно, из-за его чрезмерной чувствительности, еда, приготовленная одинокой матерью для своей дочери, содержала в себе чувства, которые тронули его, человека, который с детства почти не чувствовал любви от матери.

Женщина тоже вежливо улыбнулась в ответ, а затем спросила:

— Моя фамилия Ван, можете называть меня Сестрица Ван. А как вас зовут? Сколько вам лет?

Син Янь почувствовал лёгкий дискомфорт и грусть. Ему казалось, что он сидит на допросе, яркий свет лампы бьёт ему в глаза, ладони вспотели, но на лице он сохранял улыбку, отвечая:

— Меня зовут Син Янь.

Женщина, казалось, заметила его напряжение и сказала спокойно:

— Не бойся, я не собираюсь тебя упрекать или обвинять. Как зовут того, с кем ты живёшь? Я забыла — мы полгода соседи, встречаемся в подъезде, он кажется порядочным человеком. Ты хоть и недавно переехал, но Нью-нью говорила мне о тебе, что ты её хороший друг. Сначала я не верила, пока... — она вдруг запнулась и сменила тему:

— Другие матери, возможно, сомневались бы в тебе, но Нью-нью не говорила, что ты сделал что-то плохое. Наоборот, она постоянно хвалила тебя. После того как... — она снова запнулась.

Нью-нью уже закончила есть, положила подбородок на стол и смотрела в пространство, словно не слышала слов матери, её взгляд был пустым, не похожим на прежнего жизнерадостного ребёнка.

Мать Нью-нью сжала бледные губы, словно набравшись смелости, и сказала:

— После того как её отец ушёл, она долгое время не хотела говорить, я чуть не подумала, что у неё аутизм, очень переживала, даже записалась в больницу. К счастью, это оказалось ложной тревогой. Ты в последнее время каждый день находил время, чтобы поговорить с ней у двери, чтобы она не боялась оставаться одна дома. Я действительно благодарна тебе, правда.

— Вчера... — она вдруг тихо засмеялась и продолжила:

— Может, это неуместно, но твой друг действительно забавный. Он, наверное, и не знал, что ты умеешь играть на фортепиано, вчера, услышав твою игру, он чуть не уронил челюсть, удивился даже больше, чем мы с дочерью. Я подумала о его словах, Нью-нью хочет учиться играть на

фортепиано, но ты видишь наше положение, на мою зарплату мы даже аренду едва оплачиваем. Хорошо, что аренду за этот месяц уже заплатили, иначе завтра мы могли бы оказаться на улице. Так что насчёт его предложения...

Син Янь прервал её:

— Я думаю... Хэ Ци не это имел в виду... — он начал запинаться, оправдывая Хэ Ци:

— Обучать Нью-ню фортепиано ради денег не было его целью, он, скорее, хотел... чтобы у меня была причина остаться здесь с Нью-ню... но боялся, что вы нам не доверяете, поэтому Хэ Ци не сказал прямо, простите. — Син Янь смущённо опустил голову, а Нью-ню осторожно ухватила за край его рубашки, словно утешая его.

Мать Нью-ню, увидев эту сцену, невольно улыбнулась с горечью, она оперлась руками на стол, прикрыв лицо ладонями, и с лёгкой грустью сказала:

— Вы двое, кажется, сами не в лучшем положении, как у вас ещё остаётся забота о других... — в её голосе не было и намёка на сарказм, это было скорее размышление вслух, и скрытые ладонями глаза не выдавали, были ли в них слёзы.

Син Янь смотрел на неё, открыл рот, но не смог вымолвить ни слова. Через мгновение он опустил голову и с горькой усмешкой прошептал:

— Да... сам не могу справиться, а думаю о спасении других, я тоже хочу задать ему этот вопрос... — возможно, он говорил слишком тихо, потому что никто, кроме него, не услышал этих слов.

Женщина сильно провела ладонью по лицу, и, подняв голову, уже снова была спокойна, никто бы не догадался о её прежних эмоциях. Она сказала:

— Я оставила ключ снаружи, можешь приходить, когда захочешь. Я — нерадивая мать, не могу подарить Нью-ню радость, даже не могу быть рядом, чтобы защитить её. Спасибо тебе, и... Хэ Ци, спасибо вам за то, что так заботитесь о ней.

Нью-ню лежала в кровати, мать поправила одеяло на её животе и собиралась на работу. В спальне были задернуты шторы, снаружи ярко светило солнце, внутри было полутемно. Она, едва открывая глаза, смотрела на мать и сказала:

— Мама, можно оставить свет?

Мать мягко ответила:

— Я оставила тебе ночник.

Затем она посмотрела на стоящего рядом Син Яня и сказала:

— А-Янь, когда я проснусь и громко позову, ты придёшь?

Син Янь кивнул, слегка улыбнувшись:

— Конечно, я всегда на связи.

— Тогда давай поцелуемся. — она высунула из-под одеяла маленькую руку и мизинцем дотронулась до его:

— Мизинчик, мизинчик, сто лет не изменюсь... Ха-ху... — не закончив, она уснула.

Мать с улыбкой сожаления положила её беспокойную руку обратно на кровать, повернулась и тихо сказала Син Яню:

— Она уснула, давай выйдем.

Син Янь кивнул и последовал за ней. Выйдя из спальни, он оглянулся: Нью-ню спала спокойно, её лицо было беззаботным, как и подобает её возрасту.

Мать Нью-ню проводила его до двери, у входной двери ещё раз поблагодарила и поспешно спустилась вниз. Син Янь стоял на лестничной площадке, некоторое время просто смотрел в пространство, затем вдруг вспомнил, что ещё не приготовил ужин. Он сначала спустился на два этажа, но вспомнил, что не взял с собой денег, поэтому вернулся, чтобы взять из шкафа последние оставшиеся мелочи. Прикинув в уме цену, он решил, что сможет приготовить одно мясное и два овощных блюда. Собираясь выйти, он увидел, как палящее солнце освещает дорогу, и подумал, что раз ещё рано, то можно постирать одежду, которую не успел утром.

После обеда, к счастью, не было дождя, он сидел в доме и смотрел, как белая рубашка Хэ Ци, развешенная на верёвке, развеивается на ветру под лучами солнца. Он ел только что купленное мороженое, и его настроение было странно радостным. Может, из-за погоды, а может, из-за этого опьяняющего послеобеденного ветра, он прислонился к спинке стула и уснул, пустая коробка от мороженого упала на пол, но он этого не услышал.

Хэ Ци только что вышел из подъезда, вечернее солнце светило ему в лицо, и он на мгновение прищурился от яркого света. Из квартиры доносились весёлые звуки кухонной утвари, затем треск масла на сковороде, и по этим звукам Хэ Ци понял, что сегодня у Син Яня необычно хорошее настроение. Он был немного озадачен, зашёл внутрь, положил портфель на стул и с подозрением посмотрел на спину Син Яня. Тот, кто в маленькой кухне энергично мешал лопаткой, не замечал взгляда за спиной, напевая себе под нос. Взгляд Хэ Ци вдруг стал таким, словно он увидел привидение.

— Что ты делаешь? — его вопрос испугал человека в кухне.

Син Янь вскрикнул, подпрыгнул, и лопатка чуть не вылетела из его рук. Он обернулся, увидел Хэ Ци, вздохнул с облегчением и улыбнулся:

— Ты меня напугал.

— Ты меня напугал. Что случилось? Заколдовали тебя? Почему ты так размахиваешь руками на кухне, сегодня что-то хорошее произошло?

Син Янь таинственно повернулся, схватил выпавшую лопатку и снова начал мешать содержимое сковороды, весело ответив:

— Нет, ничего.

|